

ГАЛИНА
Колоскова

“Хороший муж”

ПОСЛЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Галина Колоскова

"Хороший муж". После измены

«Автор»

2026

Колоскова Г.

"Хороший муж". После измены / Г. Колоскова — «Автор», 2026

Поднимаю помаду, а потом осторожно, словно жалящее насекомое, подцепляю тот маленький холодный предмет. Подношу к глазам. В ладони лежит изящная золотая серьга-петелька. В верхней части, точно капля утренней росы, сверкает бриллиант. Он ловит солнечный луч и отбрасывает на мою кожу маленькую, ядовитого цвета радугу. Сердце падает вниз. Это не моя серьга. Я ношу массивные, висячие, авторские. Таких простых и чопорных вещей у меня нет. Медленно, против воли, взгляд поднимается выше. На подголовник моего сиденья. И вижу его. Длинный, идеально прямой, чёрный как смоль волос, прилипший к тёмной коже подголовника, поэтому почти невидимый. Но для меня сейчас он ярче неоновой вывески. Это не мой! У меня светлые, не слишком длинные волосы. 12 лет "идеального" брака ставит под сомнение одна находка. Я схожу с ума пытаюсь найти любовницу "идеального" мужа, а когда нахожу...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Галина Колоскова

"Хороший муж". После измены

Пролог

За окном машины проплывают пейзажи золотой осени. День ясный, прохладный, солнце слепит глаза, заливая лучами салон нашего внедорожника. Чувствую себя спокойной, счастливой, как в тёплом уютном коконе. Надёжно отгороженная от всех тревог тонированными стёклами, мягким креслом и уверенностью в завтрашнем дне. Рядом Сергей, мой любимый муж, мой надёжный мужчина. Одной рукой он ведёт машину, другая лежит у меня на колене. Тяжёлая ладонь с длинными крепкими пальцами. Скульптурное, красивое лицо, знакомое до мельчайшей чёточки.

— Ничего, что мы немного задержимся? — спрашивает он, но в голосе нет и тени беспокойства.

Мы на одной волне.

— Для твоей мамы мы всегда опаздываем, — улыбаюсь в ответ. — Не переживай.

Мне нужно поправить зеркало. Отстёгиваю ремень, неудачно наклоняюсь, и из рук выскользывает сумка. Любимая помада оттенка «утренняя роза», падает на коврик у ног и подкатывается к двери. Вздыхаю, нагибаюсь, склоняясь в сторону от мужа. Пальцы скользят по дорогому ворсу, нащупывают металлический цилиндр. И тут же, рядом, натываются на что-то другое. Маленькое. Холодное. Твёрдое.

На секунды замираю в странном предчувствии. Сердце делает непонятный, неровный толчок. Поднимаю помаду, а потом осторожно, словно жалящее насекомое, подцепляю тот маленький холодный предмет.

Подношу к глазам. В ладони лежит изящная золотая серьга-петелька. В верхней части, точно капля утренней росы, сверкает бриллиант. Он ловит солнечный луч и отбрасывает на мою кожу маленькую, ядовитого цвета радугу.

Сердце падает вниз. Это не моя серьга. Я ношу массивные, висячие, авторские. Таких простых и чопорных вещей у меня нет.

Медленно, против воли, взгляд поднимается выше. На подголовник моего сиденья. И вижу его. Длинный, идеально прямой, чёрный как смоль волос, прилипший к тёмной коже подголовника, поэтому почти невидимый. Но для меня сейчас он ярче неоновой вывески. Это не мой! У меня светлые, не слишком длинные волосы.

Мир за стеклом гаснет. Золотые деревья, синее небо, мелькающие дома — всё превращается в размытое пятно, в серый фон. Звук двигателя, шум шин — всё уходит куда-то далеко, в подводную толщу. Единственное, что слышу, биение собственного сердца, заколотившегося ударами крови в виски.

— Ксюш, что там? — голос Сергея доносится, будто со стороны, глухой и нереальный. — Ты с чего побледнела?

Сжимаю серьгу в кулаке так сильно, что металлический кончик застёжки впивается в ладонь. Боль острая, точечная. Она возвращает меня в реальность. На весах разрушенная жизнь или семейное благополучие? Устроить скандал по пути к его родителям и вместо празднования юбилея вернуться домой? Кусаю губы. Как всё некстати!..

Мгновенно решаю промолчать. Всё равно ничего доказать не смогу. Скажет, что подвозил давнюю знакомую, коллегу по работе, а может, так и было? Потребовать встречи с той женщиной? Выставить себя ревнивой дурой? Показать серьгу? Придётся её отдать. Нет, нельзя... вдруг она выведет меня на его любовницу. Тысячи «за» и «против» бомбардируют

мозг. Неужели наш брак всего лишь красивая картинка? Обвинить голословно в измене — унижить себя. Хочу выть от патовой ситуации.

— Ничего, — собственный голос кажется чужим. — Птица низко пролетела. Испугалась.

Сунув находку в карман пиджака, откидываюсь на сиденье и пристально смотрю в окно. Я больше не вижу золотой осени. Только своё отражение в стекле — бледное лицо с широко открытыми глазами. Пальцы правой руки, снова и снова нащупывают в кармане грани чужого бриллианта. Ищу ответа, которого нет.

Родительский дом Сергея наполнен ароматами вкусной еды, суетой приглашённого персонала и гамом множества голосов. Свекровь, Надежда Петровна, в роскошном платье встречает гостей с привычным надменным видом, будто оказывает им великую честь. Свёкор, Владимир Иванович, как всегда, хлопочет около стола, пытаюсь угодить всем сразу.

— Наконец-то! — встречает нас Надежда Петровна. Поцелуй в щёку холодный и быстрый, как удар языка змеи. — Мы уже думали, вы по старой памяти на сутки задержитесь.

— Пробки, мама, — легко парирует Сергей, целуя её в другую щёку. Он привык к её вечному ворчанию. Не замечает придирок.

Мой взгляд скользит по гостям. По женщинам. Молодым, и не очень. В шикарном наряде и платьях чуть поскромнее.

Не могу расслабиться. В голове против воли начинает крутиться один и тот же вопрос: она здесь? Та, чей волос остался на моём подголовнике, а серьга обжигает карман?

Глаза шарят по довольным лицам гостей. Натыкаюсь взглядом на первую подозреваемую. Девушка, которую вижу впервые. Молодая, стройная, с идеальной глянцевой чёрной косой, уложенной набок. Она что-то говорит Сергею, и он улыбается ей обычной, приветливой улыбкой. Улыбкой, которую он дарит всем. А может, не всем?

— Ксения, ты как будто в облаках витаешь, — голос свекрови вырывает меня из наблюдений. Оборачиваюсь под надменным взглядом. — Серёжа, наверное, совсем тебя не кормит? Худая, как тростинка. Измученная, нервная. И волосы стали тусклыми и лицо сероватое... — Она обречённо машет ладонью. — Хотя, кому я говорю... в вашем мире моды это, наверное, достоинство. Ты вытянула в лотерею хорошего мужа! Должна ему соответствовать.

Постоянные придирки свекрови в этот раз не действуют. Кажется, она даже расстроилась, что не сумела вывести меня из себя.

— Наденька, хватит, — вступается Владимир Иванович, подходя с бокалом вина. — Ксюша, дорогая, не обращай внимания. Иди, перекуси чего-нибудь. Ты прекрасно выглядишь.

Я благодарно улыбаюсь, но его слова долетают до меня как сквозь вату. Весь мир сузился до размеров золотой серёжки в кармане. Она жжёт бедро. Кричит о себе безмолвным, оглушительным криком.

Подхожу к столу, беру бокал. Вино холодное, терпкое, но не перебивает вкус страха во рту. Сергей что-то рассказывает гостям, жестикулирует. Он сияет. Он уверен в себе. Он — хозяин жизни. И, возможно, хозяин чужой серьги.

— Хорошая вечеринка, да? — муж подходит ко мне, обнимает за талию. Широкая ладонь кажется теперь чужеродной, тяжёлой. Я делаю глоток, чтобы не оттолкнуть её.

— Да, — отвечаю правду. — Но излишне оживлённо. Я не знаю половину гостей.

Бросаю взгляд на его руку, властно устроившуюся на моём боку. На умелые, сильные пальцы. Этими пальцами, возможно, сегодня утром он прикасался к другой женщине. Запускал их в длинные, черные волосы. Поправлял на маленьком ушке ту самую серьгу.

Мне становится физически плохо. Шум голосов, смех, музыка — всё сливается в оглушительный гул. Вижу краем глаза, как Надежда Петровна говорит что-то девушке с косой, и обе смеются. Смотрит ли незнакомка на меня? Нет. Она косится на Сергея. Или мне кажется? Интересно, наш развод доставит ей радость?

В кармане пальцы снова сжимают серьгу. Этот маленький, холодный кусочек металла и камня стал ключом. Ключом, который только что открыл дверь в другой мир. Туда, где мой муж — чужой мне человек. А я стою на пороге нового, страшного мира, и не знаю, хватит ли у меня смелости сделать шаг вперёд. Но я уже знаю, что назад, в мой уютный привычный кокон, дороги нет. Её отрезали. Чужой волос. Чужая серьга.

Глава 1

Дорога домой проходит в гробовом молчании. Я притворяюсь спящей, положив голову на стекло. Оно холодное, и этот холод немного остужает огонь в висках. Сергей пытается один или два раза заговорить, но, не получив ответа, замолкает. Он, наверное, думает, что я устала. Или что меня больно задела его мать. Он всегда находит простое объяснение сложному. Слишком простое.

Вспоминаю, как сжимала в кармане серьгу. Теперь она лежит не в пиджаке, а в глубине сумки, завёрнутая в бумажную салфетку. Как улика. Как отравляющий душу яд.

Въезжаем в город. Огни рекламных вывесок бьют по глазам. Кажется, весь мир кричит мне о показной яркости и лживости. Сергей включает радио. Играет весёлая, дурацкая песня о любви. Он напевает себе под нос. У него хорошее настроение. Слишком хорошее.

«Он только что видел её, поэтому настолько счастливый», — стучит в висках. «Провёл с ней время, пока я сидела с его родителями. Наверное, она была там, на юбилее? Она была среди гостей, а он украдкой смотрел на неё, трогал её руку под столом...»

От этих мыслей тошнит.

Наконец, мы возвращаемся в наш уютный, просторный дом. Я всегда чувствовала здесь себя в безопасности. Как в крепости. Теперь стены кажутся бумажными, а каждый угол таит в себе угрозу.

— Привет, старикан! — Сергей, скинув куртку, идёт в гостиную, где наш сын смотрит телевизор, развалившись на диване.

— Привет, пап, — он лениво машет рукой, не отрывая глаз от экрана. — Как там бабушка с дедушкой? Всё ещё ругаются?

— В своём репертуаре, — смеётся Сергей и треплет пальцами его волосы.

Я стою в прихожей, смотрю на них. На эту идеальную картинку из моего прежней жизни. Отец и сын. Любящая семья. И я — посторонний наблюдатель, с куском льда вместо сердца.

— Мам, а поесть что-нибудь будет? — оборачивается Игорь.

— Котлеты остались, — отвечаю хрипло. — Сейчас разогрею.

Иду на кухню. Достая сковороду, включаю плиту — мои движения выверены до автоматизма. Я хорошая мать, примерная жена, идеальная хозяйка. Руки дрожат. Я кладу котлеты на раскалённый металл. Они шипят, словно упрекая меня в чём-то. Домашний, родной запах кажется чужим, приторным. Видимо я слишком хороша во всём, чтоб быть для меня верным мужем. Единственное, чего мне не хватает — молодости. Интересно, сколько лет обладательнице того волоса?

Сергей заходит на кухню, открывает холодильник и достаёт бутылку пива.

— Устал как собака, — говорит, откручивая крышку. — После поездок к родителям всегда вымотан, словно вагон железа разгрузил. Хорошо, что завтра выходной.

Он подходит ко мне сзади, обнимает за талию, прижимается губами к шее. Раньше от его прикосновений по коже бежали мурашки. Сейчас напрягаюсь, становлюсь каменной. Его губы кажутся обжигающе горячими, а запах парфюма, который всегда любила, — удушающим. ««Вагон с железом» был сексом с молодой и горячей, раз так устал?»

— Ты вся зажатая, Ксюш, — он отпускает меня. — Мама тебя так достала?

Быстро соглашаюсь:

— Да. Сегодня Надежда Петровна была в ударе.

— Не обращай внимания. Ты же знаешь, она всегда и со всеми такая. На самом деле мама тебя любит.

Бормочу чуть слышно под нос:

— Представляю, как выглядит её «нелюбовь».

Он говорит общие, заученные фразы. Не смотрит мне в глаза. Отходит к столу, глотает из бутылки. Мне кажется, он делает это слишком быстро, будто хочет скрыть за стеклом лицо.

«Он лжёт», — голос в голове звучит настойчиво громко. «Он догадывается, что дело не в его матери. Знает, что ты что-то поняла». Кромсаю овощи на салат, как придётся. Вместо них на доске мог лежать...

— Мам, ты ничего там не спалишь? — кричит Игорь из гостиной, прерывая безумные мысли. — Пахнет горелым.

Вздрагиваю. Торопливо переворачиваю котлеты. Одна из них разламывается пополам. Сергей замечает это.

— Эй, полегче, — говорит с лёгкой усмешкой. — Это не манекен с одеждой, которую нужно перекроить.

Дебильная шутка падает в тишину. Не отвечаю. Кладу котлеты в тарелку, салат в миску и несую в столовую.

Ужин проходит, как всегда в нашей семье. Игорь что-то оживлённо рассказывает о новой онлайн-игре, а мы с Сергеем молча киваем. Я не могу есть. Протыкаю вилкой перекрученный в мясорубке кусок мяса. Разглядываю его, а сама вижу чёрный волос на подголовнике. И серьгу.

— Ты совсем ничего не ешь, — замечает Сергей. — Поешь хоть немного.

— Не хочу, — отрезаю, борясь с тошнотой. — Не лезет.

— Может, заболеваешь? — он смотрит на меня с искренним участием. Или это маска? Спектакль? Роль? Сколько лет он играет в «хорошего мужа»?

— Устала, и всё, — поднимаюсь из-за стола и отношу тарелку с нетронутой едой к раковине.

Пальцы сжимаются в кулак, где уже нет серёжки, но её призрачная тяжесть всё ещё давит. Мне нужны доказательства! Отрицательные или положительные — уже неважно. Любые, что остановят этот ад неопределённости.

Иду в душ. Горячая вода должна расслаблять, но она лишь усиливает тревогу. Каждая капля, ударяющая по коже, словно нашёптывает: «Измена. Измена. Измена...» Я смотрю на светлые волосы облепившие острые скулы. На стройное, загорелое тело, отражающееся в запотевшем от пара зеркале. Оно знакомо ему до малейшего изгиба, до последней родинки. Этому телу, он предпочёл другое? Она моложе?

Возвращаюсь в спальню, Сергей уже спит. Или делает вид, что спит? Он лежит на спине. Дыхание ровное, глубокое. Его телефон лежит на тумбочке с противоположной от меня стороны кровати.

Сердце колотится с такой силой, что кажется, он должен его услышать. Я замираю, вслушиваясь в тишину, в попытке распознать малейший признак притворства. Ничего. Только его дыхание и бешеный стук в моих ушах.

Делаю шаг. Потом другой. Ковёр глушит шаги. Я как вор в собственном доме. Протягиваю руку. Пальцы дрожат. Беру смартфон. Не думала, что он настолько тяжёлый, холодный. Крадусь в ванную комнату, запираюсь на замок и сползаю на пол, прижавшись спиной к холодной двери.

Экран телефона светится в темноте. Ввожу код — день рождения Игоря. Он не менял его. Глупое, иррациональное чувство облегчения на секунду согревает душу. «Он тебе доверяет», — шепчет голос надежды.

Я открываю мессенджеры. Прокручиваю чаты. В основном работа. Коллеги, клиенты, подрядчики. Ничего! Ни одного подозрительного слова. Ни одного сердечка. Ни одного комплимента.

Проверяю звонки. Недавние вызовы — работа, клиенты, его родители, я. История чиста.

Соцсети. Он редко ими пользуется. Несколько лайков на посты друзей, на новости нашего бизнеса. Ничего личного. Ни одной новой подписчицы с черными волосами.

Листаю, листаю, и с каждой чистой страницей во мне растёт не облегчение, а ярость. Он слишком осторожен, хитёр, всё удаляет. Чистота — не доказательство его невиновности, а наоборот! Он знал, что я могу проверить и подготовился.

Сажу на холодном кафеле и трясусь от бессилия. Слезы подступают к горлу, но я не позволю себе реветь. Плач — это для жертв. А я... я ещё не знаю, кто я. Жертва? Или следователь?

Возвращаю телефон на тумбочку точно в то положение. Сергей даже не шелохнулся.

Укладываюсь на край кровати, стараясь до него не дотрагиваться. Между нами теперь целая пропасть. Её нельзя измерить в децибелах стука моего сердца. Только в граммах веса серёжки и в длине чёрного волоса.

Лежу без сна. Гляжу вверх. Трещина появилась не в потолке, а в моей жизни. И я чувствую, как с каждым часом, с каждой минутой эта трещина расходится, превращая мою уютную, надёжную реальность в грудку битого стекла. И я сейчас — его осколок. Острый, опасный и очень одинокий.

Глава 2

Утро понедельника встречает солнечным светом. Я не спала почти всю ночь. Голова гудит, веки налиты свинцом, но внутри — холодная концентрация. Как у хищника перед охотой. Меньше всего хочу быть идиоткой, не знающей об увлечении мужа. Сколько раз успокаивала подруг, оказавшихся в подобной ситуации. Их всхлипывания в ответ на мои утешения. И белую зависть, что мне повезло: Сергей — «хороший муж».

Теперь мой собственный мир сузился до одной задачи: найти ЕЁ!

Пока Сергей принимает душ, стою у нашего большого гардероба и делаю то, чего не делала никогда, — изучаю его одежду. Провожу ладонью по рубашкам, висящим стройными рядами. Белые, голубые, синие в тонкую полоску. Все чистые, выглаженные. Ни пятен помады, ни следов чужих духов. Я наклоняюсь, принохиваюсь. Только знакомый запах дорогого стирального порошка и его одеколona. Ничего чужого, но как быть с кричащей внутри интуицией?

Это не облегчение. Разочарование. Мне нужна зацепка! Любая.

— Ищешь галстук? — его голос за спиной заставляет вздрогнуть.

Делаю шаг назад, ударяясь головой о полку.

— Нет. Так... — потираю затылок. — Проверяю, не завелась ли моль.

Он смотрит на меня с удивлением, завязывая полотенце на бёдрах. Капли воды блестят на волосках груди.

— Моль? В нашем-то доме? Ты что-то странная второй день, Ксюш.

Он говорит это легко, без подтекста. Но мне слышится в его словах насмешка. Он знает, что я что-то ищу.

— Останься сегодня дома, выпишись нормально, ладно? — он проходит мимо, хлопая ладонью по попе. Прикосновение с намёком обжигает.

За завтраком я молча пью кофе и составляю в уме список. Брюнетки в нашем ближайшем окружении... Их не так уж и много. Три женщины, чьи образы горят в мозгу аварийным табло.

Первая: Алиса.

Моя лучшая подруга. Партнёр по бизнесу. Мы открыли нашу дизайн-студию «А&К» почти десять лет назад, с нуля. Вместе проходили через всё — через провальные коллекции, капризных клиентов, безденежье. Мы плакали и смеялись вместе. Она знает обо мне всё. И я о ней. Алиса яркая, порывистая, с неизменным высоким гладким хвостом цвета воронова крыла. Она всегда носит чёрное. Её стиль — вызов. Её улыбка — оружие. Она обожает Сергея. Всегда говорила, что он — эталон мужчины. «Тебе повезло, Ксенька! Держись за него». А может, это был не совет, а предупреждение?

Вторая: Марина.

Жена Алексея, лучшего друга Сергея. Мы часто отдыхаем вместе, ходим в гости. Марина... спокойная. Уютная. У неё тоже длинные, чёрные волосы, обычно собранные в небрежный пучок. Она домохозяйка, воспитывает двух дочек. Говорит тихо, улыбается сдержанно. Она кажется человеком не от мира сего, погруженным в детей и домашние заботы. Но ведь именно в тихой воде черти водятся? Может, её скромность — лишь маска? А под ней скрывается страсть, которую ищет мой муж?

Третья: Вика.

Новенькая. Молодая дизайнер, нанятая полгода назад. Талантливая, амбициозная. И у неё густейшие, смоляные волосы, которые она носит распущенными вдоль спины. Они всегда выглядят идеально. Длинные, тяжёлые, блестящие. Именно такой волос я и нашла. Вика смотрит на Сергея с открытым восхищением. Ловит каждое его слово. Я всегда списываю это на возраст и профессиональный пиетет. А теперь?..

Отпиваю глоток остывшего кофе. Горький вкус бодрит. Галерея подозрений готова. Теперь нужно начать расследование.

Еду на работу. В студии царит привычный творческий хаос. На манекенах — платья в стадии полуготовности, на больших столах разложены выкройки и образцы тканей. Воздух пахнет краской, кофе и новыми идеями. Обычно это место заряжает меня энергией. Сегодня каждый звук режет слух, каждый взгляд кажется оценивающим.

Алиса уже здесь. Она что-то объясняет двум швеям, энергично размахивая руками. Увидев меня, замирает. Красивое лицо озаряется широкой улыбкой.

— Ксюш! Наконец-то! Я уже начала волноваться. Как юбилей? Надежда Петровна, как обычно, осыпала тебя «комплиментами»? — она подходит ко мне и по привычке целует в щёку. Её духи — резкие, восточные, с нотками пачули — сегодня кажутся мне навязчивыми и враждебными.

— В своём репертуаре, — отвожу взгляд, делая вид, что роюсь в бумагах на столе.

— Что-то ты на себя не похожа, — подруга пристально смотрит на меня. Глаза, подчёркнутые чёрной подводкой, кажутся слишком пронизательными. — Сергей не довёз? — Изящная бровь вопросительно взлетает вверх. — Поцарапал новую машину?

— Нет. Всё в порядке! Просто не выспалась.

Поднимаю на неё глаза и впервые смотрю не как на подругу, а как на подозреваемую. На ней тёмно-синий комбинезон, подчёркивающий хрупкую, но соблазнительную фигуру. Серьги? Да, на ней серьги. Массивные, геометрические конструкции из серебра. Ничего общего с той изящной петелькой. Но это ведь ничего не значит, да? Она могла надеть на свидание другие. Злосчастная малышка могла быть потеряна в тот день, когда она ехала с ним.

— Ладно, неугомонная, — Алиса хлопает меня по плечу. — Тогда за работу. У нас совещание через пятнадцать минут по новой коллекции. Вика подготовила потрясающие эскизы!

Имя «Вика» режет слух. Алиса произносит его с таким теплом. С таким одобрением. Неужели они в сговоре? Или она просто не подозревает?

— Отлично, — голос звучит устало. — Жду всех в переговорке.

Совещание для меня превращается в пытку. Я стою во главе стола, а мысли носятся между тремя женщинами.

Алиса говорит громко, уверенно, отстаивая свою точку зрения по цветовой гамме. Она постоянно смотрит на меня. Ищет поддержки? Или проверяет, не заподозрила ли я чего?

Марина... Марины здесь нет. Она не работает у нас. Но я ловлю себя на том, что думаю о ней. О том, как в последний раз, на ужине у нас дома, она подливала Сергею вина. Как смеялась над его шутками. Слишком громко? Слишком заинтересованно?

А потом появляется Вика. Она входит в дверь с папкой эскизов, скромно потупив взгляд. На ней простое чёрное платье, но её волосы... боги, её волосы!.. Они ниспадают на плечи тяжёлой, блестящей волной. Длинные. Идеально прямые. Чёрные.

— Ксения Сергеевна, я подготовила варианты, — говорит она тихим, мелодичным голосом, раскладывая рисунки передо мной.

Эскизы и правда талантливы. Смелые линии, интересные крои. Но я не могу сосредоточиться. Смотрю на её руки. Ухоженные, с коротким маникюром. Никаких колец. А серьги? Крошечные серебряные гвоздики. Опять не то!

— Хорошо, Вика, — голос звучит как никогда холодно, официально. — Перспективно, но нужно доработать. Линии слишком грубые. Сделайте более плавными. Добавьте женственности.

Взгляд Вики тускнеет. Она кивает, быстро собирая рисунки.

— Конечно, Ксения Сергеевна. Я поняла.

Алиса хмурится.

— По-моему, как раз в этой грубости и есть изюминка, Ксюш. Не находишь?

— Я нашла, что нужно доработать! — отрезаю, вставая. Воцаряется неловкая пауза.

Выхожу из переговоров, чувствуя на себе их взгляды. Взгляд обиженной Вики. И удивлённой Алисы. Они сейчас остались вдвоём. Уверена, будут обсуждать меня. Обсуждать мой странный тон. Моё поведение.

Иду к себе в кабинет и закрываю дверь. Руки дрожат. Я только что вела себя как истеричка. Сорвала зло на талантливой девочке из-за собственных подозрений. Но разве её покорность и желание угодить — не признак вины? Может, она пытается загладить свою вину передо мной? Или просто боится потерять работу?

Телефон вибрирует. Сообщение от Сергея.

«Ксюш, Алексей с Мариной зовут на шашлыки в субботу. Согласна?»

Марина. Опять она! Шашлыки. Алкоголь. Расслабленная атмосфера. Идеальные условия для... для чего? Для тайных взглядов? Для случайных прикосновений?

Пальцы летают над клавиатурой.

«Не знаю. Посмотрим. Много работы».

Я не хочу туда ехать. Не смогу смотреть на неё. На него. На их игру.

Открываю страничку Марины в соцсетях. Она редко постит. В основном фото детей и пирогов. Я листаю и листаю. Вот фото с нашего прошлого пикника. Мы все вместе. Сергей стоит с Алексеем, они жарят мясо. Марина сидит рядом на пледе и смотрит... смотрит прямо на Сергея. Её взгляд кажется задумчивым. Почти нежным.

Раньше я не придавала этому значения. Сейчас взгляд кажется весомой уликой.

Не замечаю, как пролетело время. Откладываю смартфон. В душе кричащая пустота, кружится голова. Каждая из них идеально вписывается в роль любовницы. Алиса — страстная, рискованная, ему может быть с ней интересно. Марина — тихая, спокойная, отдушина от моей целеустремлённости. Вика — молодая, восхищающаяся им, что льстит мужскому эго.

Я подхожу к окну и смотрю на вечерний город. Где-то там он. Мой муж. И, возможно, одна из них прямо сейчас рядом с ним. Смеются. Разговаривают. И может быть он трогает её длинные черные волосы.

Чувствую, как стены моего кабинета смыкаются вокруг меня. Галерея подозрений превратилась в пыточную. И я сама себя в неё заточила. Пока не найду ответа, выхода нет.

Глава 3

Три дня. Семьдесят два часа. Каждая минута наполнена ядом подозрений. Я стала другим человеком. Почти не сплю, почти не ем. Каждое утро просыпаюсь с одним вопросом на уме: «Кто она?» И засыпаю с ним же.

Работа, всегда бывшая моим спасением, теперь стала полем битвы, где я сражаюсь с призраками. Нервы натянуты, как струны, и любое прикосновение вызывает их визг.

Сегодня у нас планёрка по новой коллекции. Я должна быть собранной, креативной, лидером. Но я — раскалённый добела шар злости и страха.

— Ксения Сергеевна, я, кажется, нашла ткань для модели «Афина», — говорит одна из моих помощниц, Юля, робко протягивая образец. — Она с небольшим люрексом, как вы и хотели.

Я беру ткань. Она скользкая, холодная. Мерцает под светом ламп. Как та серьга. Сжимаю её в кулаке.

— Полная безвкусица, — голос режет воздух, как лезвие. — Вы что? Эта ткань для дешёвых вечерних платьев, а не для «Афины»! Вы хоть раз в жизни видели качественный люрекс?

Юля замирает, миловидное лицо заливают густой румянец. В глазах появляются слёзы. Вокруг воцаряется гробовая тишина. Все смотрят на меня, а я смотрю на Юлю и вижу в испуганном молодом лице отражение собственного унижения. Но остановиться не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.